

Феномен авторского сознания Г.Р.Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – XIX веков

Г.С.Хафизова

МБОУ «Тат.Янтыковская основная общеобразовательная школа»

Ключевые слова: авторское сознание, Г.Р.Державин, русская художественная культура

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный!

Интерес к изучению творческого наследия Г.Р. Державина неуклонно растет. В процессе постижения державинского художественного феномена все более отчетливо вырисовывается подлинный масштаб творческой личности поэта, которая уже не укладывается в формат исключительно «лирического стихотворца». Благодаря целенаправленным и серьезным научным исследованиям ученых, перед нами шаг за шагом открываются Державин-драматург, Державин-искусствовед, Державин-мемуарист, Державин-мыслитель, Державин-политик.

Начиная с середины прошлого века, высказывались суждения о том, что «поэтическая система Державина противоречива и не поддается односложному определению. В творчестве поэта, продолжавшемся полстолетия, выразился весь путь развития русской литературы этого периода». Исследователи вынуждены были признать справедливость подобного рода доводов, но дифференциальной остроты проблемы методологической атрибуции это все же не снимало. Г. Р. Державин всегда воспринимался в исследовательских кругах как крупнейшая творческая персоналия конца XVIII – начала XIX века, поэтому его причастность к тому, или иному литературному направлению квалифицировалась как своего рода индикатор магистральных путей развития отечественной словесности его времени.

Общим местом в державиноведении стало суждение о «разрушительной» миссии поэта, которая выразилась в его активном и сознательном противодействии каноническим установкам метода, жанра, стиля, закрепившимся в современной ему художественной практике. Разрушение риторического понимания природы слова в поэзии неизбежно приводило к разрушению жанровых стилей и к их смешению.

Однако вопреки образу «поэта-разрушителя», в последние десятилетия складывается иное представление о творческой стратегии Державина-художника. Мысль о том, что «ниспровергать каноны не входило в его намерения», впервые была высказана С.С. Аверинцевым. Вскоре она была принципиально скорректирована и уточнена А.А. Левицким, по мнению которого, «поэзию Державина плодотворнее осмыслять

не как разрушение, а, напротив, завершение эстетических чаяний русских поэтов XVIII века». Ученый не без основания предположил, что, игнорируя канонические ограничения, утвердившиеся в русской поэтической практике к середине XVIII века, Державин «не разрушал оду, но возвращал ее к своим более свободным первоосновам».

Как отмечает Д.С. Лихачев, «развитие культуры не есть только движение вперед, простое “перемещение в пространстве” – переход культуры на новые, вынесенные вперед позиции. «Развитие культуры есть, в основном, отбор в мировом масштабе всего лучшего, что было создано человечеством» [Лихачев 2006: 180].

В полной мере это относится к отечественной культуре Нового времени, вступившей в ту фазу своего развития, когда в общественном сознании все более остро и необратимо назревала потребность в установлении своей национальной идентичности. Для народа, решительно вступившего на путь установления контактов со всем цивилизованным человечеством и начинающего осознавать свою великую историческую миссию, удовлетворение этой потребности не могло замыкаться в рамках сугубо собственного имеющегося опыта. Поэтому формирование национальной культуры Нового времени в России определили два пересекающихся вектора взаимодействия: вертикальный предшествующей национальной традицией и горизонтальный – с зарубежной культурной традицией. В результате уже к середине XVIII века сложились все необходимые условия для ситуации, которую М.М. Бахтин определяет как «диалог культур». И Державин оказался в числе тех, кто не только ощутил дух этой исключительно благоприятной для творческих инициатив эпохи, но и в полной мере реализовал ее богатый диалогический потенциал.

Вместе с тем державинская поэтическая система формировалась в тот момент, когда вся мировая художественная культура переживала кардинальную перестройку самих категориальных принципов творческого мышления. Основным признаком этой новой эпохи является утверждение автономной личности, обладающей высокой степенью творческого самосознания и претендующей на подлинно субъектную позицию в мире. Рост личностного самосознания определили особое отношение к традиции, которое в отличие от предшествующей эпохи становится активно-творческим, преобразующим. Традиция уже не воспринимается как раз и навсегда утвержденная данность, а подвергается эмпирической и аналитической проверке на истинность и жизнеспособность, критерием которых, выступает осмысленный личный жизненный опыт творческого субъекта. Чужой опыт, опыт предшественников и современников, стало отправной точкой авторского самоопределения и саморазвития Державина, именно на фоне других голосов ему удалось услышать и обрести свой собственный, неповторимый поэтический голос, именно внимательное отношение к мировой культурной традиции позволило ему стать «отцом русских поэтов», подготовившим явле-

ние «золотого» века русской классики. Вот почему решение дискуссионных научных проблем, касающихся определения роли Державина в системе русской художественной культуры невозможно без учета историко-литературного и культурного контекста державинской эпохи без выявления генетических и типологических факторов, предопределивших процесс формирования его авторского сознания [Ларкович 2011: 121-129].

Изучение логики формирования авторской индивидуальности Г. Р. Державина – одной из крупнейших литературных фигур рубежа XVIII–XIX веков – дает возможность откорректировать существующие научные представления о частностях и закономерностях развития национальной культуры на этапе перехода от Просвещения к романтизму.

Становление авторского сознания Г.Р.Державина осуществлялось в контексте магистральных путей развития жанровой традиции русской поэзии XVIII века. Однако практическое освоение изобразительно-выразительных возможностей современной жанровой системы удостоверяет поэта в ограниченности ее миромоделирующего потенциала, что приводит его на рубеже 1770–1780-х годов к идее жанрового синтеза и предопределяет его авторскую стратегию жанротворчества.

Последовательное приобщение к культурному наследию эпохи проецируется в сознании поэта на его личный жизненный опыт, что порождает представление о многообразии и противоречивом единстве бытия и формирует диалектические принципы его художественного мышления.

Исходя из представлений о единой эстетической природе искусства, в своей поэтической практике Гавриил Романович Державин осуществил продуктивный опыт по междисциплинарной интеграции различных видов художественного творчества (поэзия и живопись, поэзия и скульптура, поэзия и музыка) и разработал оригинальные синтетические модели, ориентированные на построение полновесной поэтической картины мира и предполагающие комплексный характер их рецепции.

Творческое наследие Г.Р. Державина для меня очень интересно. Может быть это связано с тем, что я люблю читать стихи разных жанров. При организации учебно–воспитательной работы я довольно часто обращаюсь к его творчеству. Осмысление вопросов поэзии трогает мою душу. В определении жанра оды и в обозначении ее черт и характеристик Державин выступал как восторженный поэт, безоглядный служитель своей музыки, не видящий в ней недостатков и отвергающий возможность таковых. Определение жанра не содержало логических суждений, а представляло собой метафоры, яркие образные сравнения. Например, образцы таких определений: «Истинный и начальный источник оды», писал Державин, – это «все его (человека) окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, леса и реки»; «первостепенная, священная ода есть самое выпренное, пламенное творение»; ода «быстротою, блеском и

силою своею, подобно молнии объемля в единый миг вселенную, образует величие творца». В определении самого литературного рода лирики Державин не менее восторжен, поэтичен – и неконкретен: «Она есть (...) отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение или излияние восторженного сердца». Вдохновение, по Г. Р. Державину, напрямую связано со страстью, воодушевлением: оно возникает, «как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружающими видами, согласными с страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или излиянием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются». Ода живет чувственной «высокостью», «выспренностью лирической», что для Г. Р. Державина означало «полет пылкого, высокого воображения, которое возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет их сильными выражениями своими, то живо чувствовать, чего они не знали и что им прежде на мысль не приходило».

Не менее важным пунктом был вопрос о взаимоотношении в художественном произведении факта и вымысла. Для Г. Р. Державина и сама постановка вопроса, и его решение связаны с требованием правдоподобия: «истина одна дает вымыслам вероятие, а вымыслы истину только украшают». Правдоподобие должно быть воплощено в «блестящих, живых картинах» – это, для Г. Р. Державина, «с природою сходственные виды». При этом образ должен быть и оригинальным, т. е. должен содержать в себе «новость, или необыкновенность чувств и выражений», а также нравоучительным.

Г. Р. Державин акцентировал внимание на понятии вкуса: «Вкус есть судия и указатель приличия, любитель изящности, провозглашатель в рассуждении чувств красоты, а в рассуждении разума истины». «Без его печати, как без клейма досмотрщика», был убежден Г. Р. Державин, значительное произведение искусства, достойное внимания публики, не может быть создано.

Таким образом, творчество Г.Р. Державина имеет огромное воспитывающее значение. В процессе формирования у учащихся нравственного, экологического и гражданско-патриотического воспитания всегда уверенно можно опираться к творчеству Г.Р. Державина. Река времени не поглотила поэта. Его поэтическое слово продолжает звучать:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный!

Металлов тверже он и выше пирамид.

Г.Р. Державин давно уже вернулся на родную Лаишевскую землю. Музей Лаишевского края имени Г.Р. Державина, площадь Державина в городе Лаишево, экскурсионный маршрут, посвященный его родным местам – ежегодно привлекает не только земляков, но и туристов из разных регионов России. Все значительные события района проходят около памятника Г.Р. Державину, на центральной площади города

Лаишево, носящей имя поэта. Г.Р. Державин – славнейший уроженец Лаишевской Земли, величайший поэт и крупный государственный деятель России XVIII-XIX столетия. Человек, в жизни и творчестве которого так отчетливо слышно биение пульса Истории.

Литература

Ларкович Д.В. Становление авторского сознания Г.Р.Державина / Д.В.Ларкович. – Екатеринбург, 2011. – С.121–129

Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С.Лихачев. – СПб., 2006.

Образ ласточки в одноименных произведениях

Г.Р. Державина и Б. Б. Гребенщикова

Д.А.Чуренкова

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
(Москва)

Ключевые слова: Г.Р. Державин, Б. Гребенщиков, ласточка, фольклор

Образ ласточки в народном сознании окутан множеством легенд, поверий, примет. Каждая культура наделяла эту птицу сакральным смыслом, правда, порой эти смыслы оказывались диаметрально противоположными. В Ирландии она считается дьявольской птицей, у шотландцев и вовсе есть поверье, что у нее под языком есть капля крови Сатаны. В Китае она может означать как опасность, так и верность, благоприятные перемены. Христиане же считают ласточку вестницей Бога, чистой птицей и связывают её с женским началом. По легенде у ласточки хранятся ключи от рая. Этот образ неоднократно встречается в фольклоре славян, символизируя весну, душу, вестника с небес, ангела.

Однако не только в народном бытовании, но и в творчестве русских поэтов, начиная с эпохи Просвещения и заканчивая рок-музыкантами конца XX века, постоянно встречается этот образ. Двести лет разъединяют «Ласточку» Г.Р. Державина и одноименную песню Б. Гребенщикова.

В стихотворении Гавриила Романовича ласточка символизирует душу, посредника между миром земным и небесным. Это связано с тем, что Г. Р. Державин посвятил его своей супруге, которая умерла незадолго до завершения поэтом произведения. С домовитой, ласково щебечущей птицей ассоциирует поэт свою любимую жену.